

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Юридический институт
Магистратура

Лисьева Мария Дмитриевна

ПРЕДДоговорная ответственность в гражданском праве
РОССИИ

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра
по направлению подготовки
40.04.01 – «Юриспруденция»

Руководитель ВКР

канд. юрид. наук, доцент

М.П. Имекова

« 19 » мая 2020 г.

Автор работы

М.Д. Лисьева

Томск–2020

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Магистратура

ЗАДАНИЕ

по подготовке выпускной квалификационной (магистерской) работы

студенту Лисьевой Марии Дмитриевне _____

Тема выпускной (квалификационной) работы «Преддоговорная ответственность в гражданском праве России» _____

Утверждена _____

Руководитель работы: Имекова М.П., канд. юрид. наук,
доцент _____

Сроки выполнения выпускной (квалификационной) работы:

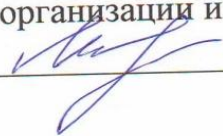
- 1) Составление предварительного плана и графика написания выпускной (квалификационной) работы с «10» октября 2018 г. по «10» ноября 2018 г.
- 2) Подбор и изучение необходимых нормативных документов, актов и специальной литературы с «11» ноября 2018 г. по «11» декабря 2018 г.
- 3) Сбор и анализ практического материала с «12» декабря 2018 г. по «15» марта 2019 г.

Предполагается изучить практику применения Российскими судами ответственности за недобросовестное ведение переговоров _____

- 4) Составление окончательного плана выпускной (квалификационной) работы с «17» марта 2019 г. по «25» марта 2019 г.
- 5) Написание и оформление выпускной (квалификационной) работы с «27» марта 2019 г. по «15» февраля 2020 г.

Встречи диссертанта с научным руководителем – ежемесячно (последняя неделя месяца в часы консультаций).

Научный руководитель _____

С Положением о порядке организации и оформления ВКР ознакомлен, задание принял к исполнению _____

АННОТАЦИЯ

магистерской диссертации

на тему: «Преддоговорная ответственность в гражданском праве России»

В данной диссертационной работе были рассмотрены теоретические вопросы, связанные с преддоговорной ответственностью в гражданском праве России.

Объем магистерской диссертации составляет 72 страницы, для написания работы было использовано 62 источника.

Объектом исследования является преддоговорная ответственность, наступающая в связи с нарушением лицами, участвующими в переговорах по заключению договоров, обязанности по их добросовестному ведению, нарушением условий соглашения о порядке ведения переговоров или в случае причинения вреда при установлении договорных обязательств.

Предмет исследования составляет совокупность норм гражданского законодательства, регулирующих общественные отношения, возникающие при нарушении лицами, участвующими в переговорах по заключению договора, обязанности по их добросовестному ведению, нарушении условий соглашения о порядке ведения переговоров или в случае причинения вреда при установлении договорных обязательств, а также правовые позиции судов, отечественная и зарубежная цивилистическая доктрина по данному вопросу.

Цель исследования заключается в анализе преддоговорной ответственности с позиции российского законодательства, доктрины, а также правоприменительной практики.

Для достижения поставленных в настоящей работе целей и задач применялись общенаучные и частнонаучные методы познания.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

В первой главе рассмотрена история развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве России и зарубежных стран, обозначены

предпосылки закрепления института преддоговорной ответственности на законодательном уровне в России и зарубежных странах.

Во второй главе диссертации определена правовая природа преддоговорной ответственности, дано определение преддоговорной ответственности, рассмотрены основания и виды преддоговорной ответственности. В том числе указано, что в законодательстве отсутствует легальное определение преддоговорной ответственности, а ее правовая природа является неоднородной и определяется в каждом конкретном случае в зависимости от основания преддоговорной ответственности.

В работе приводятся примеры из правоприменительной практики, а также мнения исследователей в области гражданского права.

В заключении представлены краткие выводы по теме исследования.

Автор работы

Лисьева М.Д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
1. Институт преддоговорной ответственности в гражданском праве России и зарубежных стран	9
1.1. История развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве зарубежных стран	9
1.2. Институт преддоговорной ответственности в гражданском праве России	23
2. Понятие и основания преддоговорной ответственности	31
2.1. Понятие преддоговорной ответственности	31
2.2. Основания преддоговорной ответственности	44
Заключение	62
Список использованных источников и литературы	66

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Гражданско-правовые договоры имеют важное значение для экономической системы страны. Однако их заключению предшествуют определенные действия сторон по обсуждению условий, деталей и содержания будущей сделки. Такие действия именуются переговорами о заключении договора и могут носить продолжительный характер.

В связи с принятием Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» с 1 июня 2015 года вступила в силу отдельная статья (ст. 434.1 ГК РФ), регулирующая отношения по ведению переговоров о заключении договора. Согласно новым правилам уже при ведении переговоров стороны несут определенные обязанности. При вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. В случае нарушения данной обязанности наступает преддоговорная ответственность, которая не вписывается в такие классические виды гражданско-правовой ответственности, как договорная и внедоговорная ответственность, имеющие свои основания возникновения. В цивилистической науке до сих пор не выработан единый подход к пониманию преддоговорной ответственности. В связи с чем возникает необходимость более глубокого теоретического осмысления выбранной темы исследования.

Объектом исследования является преддоговорная ответственность, наступающая в связи с нарушением лицами, участвующими в переговорах по заключению договоров, обязанности по их добросовестному ведению, нарушением условий соглашения о порядке ведения переговоров или в случае причинения вреда при установлении договорных обязательств.

Предмет исследования составляет совокупность норм гражданского законодательства, регулирующих общественные отношения, возникающие при нарушении лицами, участвующими в переговорах по заключению договора, обязанности по их добросовестному ведению, нарушении условий соглашения

о порядке ведения переговоров или в случае причинения вреда при установлении договорных обязательств, а также правовые позиции судов, отечественная и зарубежная цивилистическая доктрина по данному вопросу.

Цель исследования заключается в анализе преддоговорной ответственности с позиции российского законодательства, доктрины, а также правоприменительной практики.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих задач:

- рассмотреть историю развития преддоговорной ответственности в Гражданском праве России и зарубежных странах;
- исследовать правовую природу преддоговорной ответственности;
- определить основания преддоговорной ответственности.

Методология исследования. Методологической основой исследования служат такие методы научного исследования, как системный, исторический, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой, а также метод толкования права.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу составили труды отечественных и зарубежных исследователей, таких как И.З. Аюшеева, В. Ансон, С.Л. Будылин, В.В. Витрянский, К.В. Гницевич, В.П. Грибанов, Е.С. Данилова, А.В. Демкина, Р. Иеринг, О.Н. Садиков, С.Ю. Казаченок, Е.А. Крашенинников, М.А. Егорова, М.Н. Малеина, Е.Б. Подузова, И.А. Покровский, О.Н. Садиков, И. Трубникова, и др.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что предметом диссертационного исследования стало относительно новое явление в гражданском праве России. В настоящее время существует недостаточное количество трудов, посвященных исследуемой проблематике и позволяющих выявить четкую позицию относительно правовой природы преддоговорной ответственности, а также ее оснований и видов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в возможности применения сделанных

выводов для дальнейшего научного исследования преддоговорной ответственности и преддоговорных отношений.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов исследования в целях совершенствования действующего отечественного законодательства и в процессе практического применения действующих норм.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Институт преддоговорной ответственности в гражданском праве России и зарубежных стран

1.1 История развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве зарубежных стран

Впервые идея преддоговорной ответственности возникла у представителей немецкой школы пандектного права, таких как Р. фон Иеринг, Г. Дернбург, Б. Виндштейн и др. Родоначальником этой концепции принято считать Рудольфа фон Иеринга¹, который в одноименной статье 1861 г. предложил использовать термин «*culpa in contrahendo*», что в дословном переводе означает «вина при ведении переговоров или ответственность в виде возмещения убытков при недействительности или незаключенности договоров». Он первым исследовал вопрос о существовании ответственности между намеревавшимися заключить договор сторонами в том случае, если цель по заключению договора не была достигнута или заключенный договор имел настолько существенные недостатки, которые не могли бы позволить считать договор действительным².

Р. Иеринг считал, что «заключение контракта порождает не только обязанность по его исполнению, но также, если подобный результат исключен в силу какого-либо правового препятствия, при известных условиях и обязанность по возмещению вреда; выражение «ничтожность» контракта обозначает лишь отсутствие такого результата, но не отсутствие всех последствий договора вообще»³.

В своей доктрине Р. Иеринг называл основанием преддоговорной ответственности причинение вреда, а ее условием – «виновность» ответчика⁴.

---

¹ Jhering, R. *Culpa in contrahendo oder Schadensersatz bei nichtigen zur Perfektion gelangten Verträgen*, In: Jherings Jahrbucher, Bd. 4. 1861.

² Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права, 2012. № 14. С.201.

³ Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. P. 32. См. также: Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. P. 29.

⁴ См. Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. P. 34-35.

Им был предложен механизм договорного иска о возмещении вреда из недействительного или не достигшего окончательного оформления договора⁵. В качестве обязательного условия ответственности продавца Р. Иеринг призывал считать его вину именно в договорных отношениях.

Р. Иеринг выдвинул концепцию, в соответствии с которой ответственность стороны по договору ограничивается «негативным интересом»⁶, то есть определяется убытками потерпевшей стороны, вызванными участием в переговорах о заключении договора, оказавшимся впоследствии недействительным, и не распространяется на случаи возмещения позитивного интереса, возникшего из-за невыполнения условий договора⁷.

Р. Иеринг говорил о недействительном договоре как о юридическом факте особого рода, вызывающем определенные правовые последствия, пусть даже и отличающиеся от тех, на достижение которых направлена воля сторон⁸. Вследствие чего заключение договора, признанного впоследствии недействительным, позволяет добросовестному контрагенту требовать возмещения убытков при помощи договорного иска⁹.

Р. Иерингом были выделены 3 основания недействительности сделки, которые дают возможность вести речь об ответственности за *culpa in contrahendo*¹⁰:

- 1) неспособность субъекта (недееспособность);
- 2) неспособность объекта (невозможность исполнения);
- 3) недостоверность воли (отсутствие воли).

Под неспособностью субъекта (недееспособностью) понимались ограничения прав отдельных субъектов по отчуждению имущества или принятию на себя обязательств по сделкам. Неспособность объекта

---

⁵ Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. P. 44.

⁶ О понятии негативного интереса см.: Giaro Giaro T. *Culpa in contrahendo*. P. 116.

⁷ Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. PP. 16, 19, 29.

⁸ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 180.

⁹ Jhering, R.v. *Culpa in contrahendo*. P. 7, 23, 25, 26.

¹⁰ Behrends O. *Die Fraus legis. Zum Gegensatz von Wortlaut- und Sinngeltung in der römischen Gesetzesinterpretation*. Göttingen: Schwartz, 1982. P. 38.

(невозможность исполнения) означала изначально невозможность исполнения заключенного договора в силу того, что вещь физически не существует в природе или распоряжение этой вещью юридически невозможно, при этом одна из сторон договора должна была знать об этом. Недостоверность воли (отсутствие воли) представляет собой либо противоречие между содержанием воли и ее формой, либо случай, когда прежде выраженная воля противоречит впоследствии возникшем нежеланию вступать в правоотношения.

Р. Иеринг приводил несколько аргументов в пользу договорного характера преддоговорной ответственности. Первый аргумент заключается в том, что контрагент имеет «внешний повод» предполагать наличие действительного договора, который виновный ему дал. С точки зрения Р. Иеринга, именно то, что вина такого рода встречается только в сфере договорных отношений, добавляет уверенности в договорном характере вины в интересующей нас ситуации¹¹.

В качестве следующего аргумента Иеринг указывал переход обязанности по наследству как достоверный критерий договорной culpa в римском праве: где он есть, там вина договорная¹².

В качестве финального подтверждения договорной природы ответственности за culpa in contrahendo Р. Иеринг выдвигает тот факт, что иск, предоставляемый покупателю для возмещения убытков, носит название actinempty (иск из купли). Соответственно, о договорном характере ответственности за вину, допущенную в ходе переговоров, свидетельствует предоставление договорного иска с целью реализации притязания на возмещение вреда в приведенных ниже случаях¹³.

Предложенная Иерингом концепция преддоговорной ответственности вызвала неоднозначную реакцию в юридической науке. Представители германской пандектики в большинстве случаев не соглашались с

---

¹¹ Jhering, R.v. Culpa in contrahendo. P. 5, 26, 27.

¹² Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гнищевич. Санкт Петербург, 2009. С. 65.

¹³ Jhering, R.v. Culpa in contrahendo. P. 28-29.

догматическим обоснованием этой доктрины, но тем не менее уклонялись от ее полного отвержения, объясняя это необходимостью учета требований гражданского оборота.

Разработанная Иерингом доктрина *culpa in contrahendo* была нормативно закреплена в Германском гражданском уложении 1896 г. и получила большое развитие в судебной практике Германии. В редакции 1900 г. некоторые статьи отражали сущность теории Р. Иеринга, а именно статья 307 ГГУ, которая устанавливала обязанность возместить ущерб, возникший вследствие договора, исполнение которого невозможно, стороной, которая знала или должна была знать об этом. Статьи 122 ГГУ и 179 ГГУ обязывали возместить убытки лицу, которое полагалось на действительность договора, впоследствии признанного ничтожным или оспоренным в связи с отсутствием серьезного намерения¹⁴.

Преддоговорная ответственность стала применяться и в случае заведомого отсутствия договора, когда переговоры не привели к его заключению. Это означает установление правила, в силу которого стороны обязаны вести переговоры добросовестно, причем само вступление в переговоры, направленные на заключение договора, возлагает на стороны специальные обязанности, то есть приводит к возникновению специального правоотношения. Эти обязанности могут распространяться и на определенный период времени после заключения договора¹⁵.

К 1910 гг. появилось достаточное количество материала по рассматриваемой теме, требующего теоретического обобщения. В результате данного обобщения в доктрине появились концепции преддоговорной ответственности, наступление которой не зависит от действительности сделки.

Бесспорно, большой вклад в систематизацию преддоговорной ответственности за заключение невыгодного для добросовестного контрагента договора внес Ф. Леонгарду. В 1910 г. он предложил концепцию вины при

---

¹⁴ Саркисян В.В. Преддоговорная ответственность в романо-германской правовой системе // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. №1. С. 123.

¹⁵ Zimmermann R., Whittaker S. (Eds.), *Good Faith in European Contract Law* / Cambridge university press. 2000. P 24.

заключении договора в соответствии с нормами BGB и создал целостную конструкцию преддоговорной ответственности, входящей в систему договорного права.

Леонгард полагал, что иск из договора в данном случае не подходит для применения, поскольку многие ситуации нельзя отнести к его сфере действия. Так, традиция вещи с недостатками является ненадлежащим исполнением лишь тогда, когда вещь при продаже определялась родовыми признаками. Если свойства индивидуально определенной вещи при заключении договора купли-продажи уже существовали и продавец предоставил ту самую вещь, потребительские свойства которой после заключения сделки не изменились, то передача такой вещи будет являться надлежащим исполнением¹⁶. Кроме того, с точки зрения Леонгарда, было бы неправильным думать, что продавец становится обязанным оповестить о недостатках вещи лишь в момент ее передачи, но не при заключении договора¹⁷.

Леонгард считал, что именно принцип добросовестности явился базой для возникновения материально-правового основания преддоговорной ответственности. А в нормах BGB об исполнении обязательств находится формальное основание иска о возмещении такого вреда. Указанные положения закона применяются по аналогии касательно преддоговорных правоотношений, они не представляют собой непосредственное основание ответственности, а с помощью них лишь создаются конкретные способы исполнения ответственности.

Автор выделяет следующие условия преддоговорной ответственности: заключение действительной сделки, противоправные действия одной из сторон, нарушающие преддоговорные обязанности; вину контрагента¹⁸.

Таким образом, условия преддоговорной ответственности, выделенные Ф. Леонгардом, несколько отличаются от условий, выделенных Р. Иерингом.

---

¹⁶ Leonhard F. Verschulden beim Vertragsschluß. Berlin: Vahlen. P. 25-26.

¹⁷ Leonhard F. Op. cit. P. 26-32.

¹⁸ См. Leonhard F. Verschulden beim Vertragsschluß. Berlin: Vahlen . S. 58-65.

Несмотря на то, что Р. Иеринг заявлял о договорном характере преддоговорной ответственности и в качестве обязательного условия ответственности продавца призывал считать его вину именно в договорных отношениях, он предлагал механизм договорного иска о возмещении вреда не только из недействительного договора, но и не достигшего его окончательного оформления. Думается, что такой ход мыслей Р. Иеринга означает, что для привлечения виновного лица к преддоговорной ответственности не во всяком случае необходимо наличие заключенного договора между сторонами.

Концепция Леонгарда была предназначена исключительно для решения практических вопросов. Весьма высоко значение его концепции для дальнейшего развития учения о *culpa in contrahendo*. Так, признание ответственности в случаях, когда впоследствии был заключен действительный, но невыгодный для потерпевшей стороны договор, явилось результатом вклада Леонгарда¹⁹. Монография Леонгарда послужила толчком для дальнейших исследований этого вопроса.

Окончательное признание преддоговорной ответственности произошло с выходом комментария Имперского суда к BGBв 1913 г.

Идеи генерализации преддоговорной ответственности, высказанные в доктрине, были восприняты судебной практикой. Уже с середины второго десятилетия XX в. переговоры признавались практикой в качестве источника прав и обязанностей сторон. В тот же период к ответственности за *culpa in contrahendo* стали относить возмещение вреда, причиненного заключением невыгодного договора²⁰. В начале 1920-х гг. в судебной практике сложилось единое представление о понятии преддоговорной ответственности. С 1934 г. такая ответственность стала признаваться всеобщим принципом, а в 1936 г. Имперский суд дает интерпретацию вине в переговорах. Он отмечает, что вина в переговорах связана не только с неисполнением обязанностей по даче

---

¹⁹ Esser J. Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts. 2., unveränd. Aufl. Tübingen: Mohr, 1964. S. 163.

²⁰ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 67.

разъяснений, ее следствием могут стать также такие последствия как причинение вреда личности и имуществу контрагента. При подобных обстоятельствах заключение договора перестает иметь какой-либо смысл, независимо от того, будет он являться действительным или нет.

Таким образом, институт преддоговорной ответственности окончательно сформировался в доктрине и практике лишь к 1930-м гг. Утвердилось представление о том, что переговоры имеют самостоятельное юридическое значение и могут выступать непосредственным основанием для возникающих на этом этапе отношений прав и обязанностей, а значит – и основанием ответственности за неисполнение преддоговорных обязанностей.

В настоящее время преддоговорная ответственность в гражданском праве ФРГ регулируется абз. 1 § 280, абз. 1 § 241, абз. 2 § 311 BGB, согласно которым:

1) обязательственное правоотношение возникает не только вследствие заключения сделки, но и в результате вступления в переговоры относительно ее условий;

2) обязанности добросовестного поведения на стадии переговоров являются договорными обязанностями в том смысле, что они реализуются в рамках правоотношения переговоров, на которое распространяются предписания договорного права;

3) ненадлежащее выполнение этих обязанностей одной стороной, приведшее к причинению ей вреда, влечет необходимость восстановления состояния, которое существовало бы к настоящему моменту, если бы нарушение не имело место²¹.

В течение более ста лет в BGB отсутствовали нормы о преддоговорной ответственности. Закрепление в позитивном праве воззрений об ответственности за *culpa in contrahendo*, сформулированных в доктрине и

---

²¹ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 66.

реципированных практикой, произошло лишь в редакции BGB от 26 ноября 2001 г., вступившей в силу с 1 января 2002 г.

Несмотря на то, что в странах германской правовой семьи преддоговорная ответственность имеет глобальное признание, в Австрийском общем гражданском уложении 1811 г. (ABGB) существуют правовые предписания лишь относительно нескольких случаев *culpa in contrahendo*. Доктрина и практика определяет такую ответственность как следствие принципа добросовестности. В 1911 г. М. Велльшпахер предложил концепцию общей ответственности за *culpa in contrahendo* при недействительности сделки, тем самым высказав идею генерализации отдельных правовых предписаний, содержащихся в ABGB²².

Австрийская модель преддоговорной ответственности при недействительности сделки отличается от германской тем, что в австрийской догматике отсутствовал теоретический спор о том, какой интерес должен учитываться (негативный или позитивный) при определении размера возмещения вреда, вследствие чего при определении размера возмещения убытков учитывается лишь негативный интерес. Помимо обязательственного права принцип ответственности за *culpa in contrahendo* стал применяться также в регулировании семейных отношений. В частности, Верховный суд Австрии в 1934 г. отмечал, что в случае признания брака недействительным не по вине супруги последняя имеет право предъявить иск о возмещении причиненного ей вреда, указывая в качестве основания вину супруга при заключении брака.

В Швейцарии доктрина *culpa in contrahendo* была признана благодаря идеям Э. Рабеля и А. Тура. Уже с 1951 г. швейцарский механизм ответственности за *culpa in contrahendo* при недействительности сделки имел много общего с германским, что обусловлено действием принципов разумности, добросовестности и справедливости.

---

²² Wellspacher M. Das Naturrecht und das allgemeine bürgerliche Gesetzbuch // Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allgemeinen Bürgerlichen Gesetzbuches: 1. Juni 1911. Bd. 1. Wien: Manz, 1911. S. 197.

В Греции легальное закрепление переговоров о заключении договора произошло лишь с принятием Гражданского кодекса Греции от 15 марта 1940 г. В отдельных случаях недействительности договора ГК Греции предписывал стороне, виновной в переговорах, возмещать вред, вызванный такой виной. Помимо этого, в состав ГК Греции входили нормы о преддоговорных обязанностях и последствиях их неисполнения. Статья 197 ГК Греции установила обязанность сторон действовать во время переговоров в соответствии с требованиями добросовестности и обычаями оборота. В случае, если при заключении договора одно лицо причинило вред другому, то у стороны, которой был причинен вред, возникает основание предъявить иск к виновной стороне независимо от того, состоялся договор или нет (ст. 198 ГК)²³.

Греческое законодательство склоняется к признанию деликтного характера преддоговорной ответственности: абз. 2 ст. 198 ГК установил, что срок исковой давности по данному требованию подчиняется правилам о деликтных исках. Кроме того, в ст. 914 ГК закреплён принцип генерального деликта, в связи с чем возросла роль деликтной ответственности²⁴.

Во Франции концепция ответственности за вину в переговорах была разработана Р. Салейллем²⁵. Несмотря на то, что законодательством романских стран повсеместно признавался принцип *neminem laedere*, который являлся основанием конструкции генерального деликта, преддоговорная ответственность во Франции стала одной из основополагающих идей обязательственного права.

В англо-саксонском праве вопрос о преддоговорной ответственности решается совсем иначе.

---

²³ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 81.

²⁴ Gogos D. Das Zivilgesetzbuch von Griechenland (1940) mit dem Einführungsgesetz. Berlin und Tübingen: De Gruyter, Mohr, 1951. S. 107.

²⁵ Saleilles R. Étude sur la théorie générale de l'obligation d'après le premier projet de Code civil pour l'Empire allemand. 3 éd, nouv. tir. Paris: Libr. générale de droit et de jurisprudence, 1925. P. 161-168, 176-178.

В качестве теории преддоговорной ответственности выступила доктрина promissory estoppel (особое обещание). Данная теория получила признание в начале XX в., а сам термин предложен Самюэлем Виллистоном в работе 1921 г. «The law of contracts»²⁶. Главная идея доктрины сводилась к приданию юридической силы чьему-то заявлению, для того чтобы считать это основанием для привлечения к ответственности. Особое обещание содержало именно обещание (передать вещь или произвести какое-либо действие).

В национальном законодательстве стран англо-американского права прямо не закреплена ответственность за преддоговорные нарушения, но, как указывает профессор К. Осаке, тем не менее сторонам предписываются определенные позитивные обязанности вести начатые переговоры добросовестно и приложить все усилия, чтобы довести переговоры либо до их успешного завершения, либо до добросовестного отказа от них²⁷.

Вопреки принадлежности к одной правовой семье, институт преддоговорной ответственности в США и Англии существенно различаются.

Доктрина «особое обещание» законодательно обосновалась в ст. 90 Второго свода договорного права США. Указанная статья установила юридическую обязательность обещания, которое по разумному пониманию обещающего лица подвигнет вторую сторону к совершению действия или воздержанию от действия существенного или определенного характера и которое действительно имело такие последствия, если несправедливость может быть устранена только исполнением такого обещания.

Доктрина promissory estoppel включает в себя компоненты контракта (обещание) и деликта (расчет), то есть является смешанной по своей природе. Ее суть заключается в том, что участник переговорного процесса, полагая, что контрагент понесет расходы на преддоговорной стадии, может

---

²⁶ Snyder D.V. Comparative law in action: promissory estoppel, the civil law, and the mixed jurisdiction // Ariz. J. Int'l & Comp. L. 1998. P. 709.

²⁷ Севрюгин К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве РФ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №21. С. 59.

выдать особое обещание, которое будет являться свидетельством его намерения заключить договор.

Отсюда следует, что если в процессе ведения переговоров одна из сторон убедила вторую в том, что договор будет заключен, и вторая сторона разумно полагалась на истинность убеждения, то при нарушении обещания пострадавшая сторона получит защиту. В таком случае наличие «особого обещания» является условием, при котором суд вправе создать фикцию договора или соглашения об ответственности между сторонами для привлечения к ответственности нарушившую обещание сторону.

Обобщая изложенные теоретические позиции в отношении принципа *promissory estoppel*, можно определить ее сущность как запрет на возражение обещавшей стороны, который является последствием данного ею обещания²⁸.

К. Осакве выделяет следующие элементы доктрины *promissory estoppels*²⁹:

1) справедливость требует принудительного исполнения (справедливость требует принуждения) (*just demands enforcement*);

2) кредитор разумно надеялся, что должник выполнит свое обещание (разумное ожидание) (*reasonable expectation*);

3) должник предвидел или должен предвидеть доверие кредитора (предвиденное доверие) (*foreseeable reliance*);

4) действия на основании доверия, кредитор понес существенный ущерб (ущербоприносящее доверие) (*detrimental reliance*);

5) выбор перед судом – принудить к исполнению обещания либо полностью, либо частично, как требует справедливость (справедливость диктует выбор суда) (*full or partial enforcement as justice may dictate*);

6) четкое и ясное обещание должника (обещание) (*promise*);

---

²⁸ Богданов В.В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук / В.В. Богданов. Москва, 2011. С. 145.

²⁹ Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 26.

7) в отношении третьего лица (если дело затрагивает его интересы) – совпадение ущербноприносящего доверия третьего лица и доверия кредитора, приносящего выгоду третьему лицу (совпадение двух доверий) (contingency of detrimental by both third party and promise).

Применения promissory estoppels можно рассчитывать только на возмещение негативного интереса. Убытки в форме упущенной выгоды (loss of profits) не возмещаются, поскольку promissory estoppels не считается равнозначным расторжению контракта³⁰.

В Английском праве данная доктрина понимается несколько иначе. В отличие от американского права, где говорят о promissory estoppel как о доктрине «особого обещания», в английском праве promissory estoppel используется как «возражение, основанное на «особом обещании».

Как и в американской правовой системе, английское право предусматривает договорную и деликтную правовую природу преддоговорной ответственности. Преддоговорная ответственность является границей между договорным и деликтным правом.

Доктрина promissory estoppel в английском праве направлена исключительно на защиту.

П. Гиликер выделяет шесть требований, при помощи которых применяется защита нарушенного права исходя из английской доктрины³¹:

1) ясность и недвусмысленность обещания. То есть вне зависимости от формы выражения обещания (устной или письменной), оно должно быть ясным и недвусмысленным;

2) вера лица в честность обещания. Данное требование связано с предыдущим и выражается в отношении доверия к ясно выраженному намерению одной стороны предоставить какую-либо выгоду другой;

---

³⁰ Kottenhagen. R.J.P. Kottenhagen R.J.P. Freedom of Contract to Forcing Parties into Agreement: The Consequences of Breaking Negotiations in Different Legal Systems. P. 72.

³¹ Giliker P. Pre-contractual Liability in English and French law. Kluwer Law international. P. 144 – 501.

3) применение защиты пострадавшего лица, основывающейся на возражении из особого обещания, которое не должно вести к несправедливому результату;

4) вспомогательный характер. Применение доктрины возражение из «особого обещания» допускается только в случае невозможности предъявления иска из договора;

5) существование отношений, непосредственно предшествующих заключению договора. При этом отношения, непосредственно предшествующие заключению договора, следует отличать от факта наличия переговорного процесса между потенциальными сторонами договора;

6) защитный характер. Возражение из «особого обещания» должно расцениваться как обстоятельство, исключающее возможность удовлетворения иска.

Скандинавская правовая семья занимает промежуточное положение между системами континентально-европейского и англо-саксонского права, что является ее особенностью. В связи с тем, что в скандинавском позитивном праве отсутствовал принцип генерального деликта, существовала потребность во введении особого института преддоговорной ответственности. Конструкция преддоговорной ответственности в скандинавской правовой семье практически не имеет сходства с ее германской моделью.

В основе скандинавского права лежит принцип, согласно которому сделка не может быть признана недействительной, если это повлечет за собой убытки добросовестной стороны, пусть даже содержание сделки вследствие извинительной ошибки другой стороны не будет соответствовать действительной воле последней. Согласно скандинавскому воззрению, признание сделки недействительной не соответствует принципам права и потребностям оборота, пока сохраняется гипотетическая возможность ее

исполнения и пока добросовестный контрагент имеет возможность извлечь из нее пользу³².

В качестве вывода стоит отметить, что конструкция преддоговорной ответственности широко распространена в иностранных правовых системах. В одних странах данный институт признан на законодательном уровне, в других – активно используется судебной практикой. Правовая природа преддоговорной ответственности также в зависимости от принадлежности к той или иной правовой семье определяется по-разному. Так, в странах романо-германской правовой семьи преддоговорную ответственность за вину в переговорах относили к договорной ответственности, в англо-саксонской – преддоговорная ответственность имеет смешанную правовую природу, сочетающую в себе элементы контракта и деликта, в скандинавском позитивном праве преддоговорной ответственности придают характер деликтной ответственности.

---

³² Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 83.

1.2 Институт преддоговорной ответственности в гражданском праве России

Дореволюционному гражданскому законодательству не была известна концепция преддоговорной ответственности. Но все же отечественная цивилистика проявила интерес к концепции Р. Иеринга.

Далеко не сразу переговоры о заключении договора стали иметь юридическое значение в российском гражданском праве. Поэтому квалифицировать неумышленное введение стороны в заблуждение до заключения договора как правонарушение не представлялось возможным. К.А. Митюков подчеркивал, что переговоры о будущем договоре не порождают юридической связанности сторон до тех пор, пока не состоялось и не выражено согласие воли контрагентов. Такие переговоры могут получить значение соглашения, которым контрагенты обязываются совершить в будущем договор. При таких обстоятельствах нарушение предварительного соглашения дает возможность предъявить иск об уплате интереса³³. Похожего мнения придерживался и Г.Ф. Шершеневич³⁴.

Однако в дореволюционной доктрине существовали также идеи о соответствии преддоговорной ответственности общим принципам гражданского права и необходимости ее введения. Так, В.А. Синайский относительно возможности одностороннего прекращения переговоров указывал, что в данном вопросе российское современное право предоставляет сторонам полную свободу. Однако следует признать теорию о преддоговорной ответственности сторон за перерыв переговоров³⁵.

Таким образом, несмотря на отсутствие в дореволюционном законодательстве норм о преддоговорной ответственности, к началу разработки

---

³³ Митюков К.А. Курс римского права. 2-е изд., с добавлениями А.К. Митюкова. Киев, 1902. С. 225-226.

³⁴ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. Т. 2. М., 1915. С. 85-86.

³⁵ Синайский В.А. Русское гражданское право (по изд. 1915 г.). М.: Статут, 2002. С.312.

ГК РСФСР 1922 г. в цивилистической доктрине были представлены различные подходы к этой идее, одни из которых полностью ее отвергали, другие – выступали за необходимость введения преддоговорной ответственности.

Советские ученые не занимались обоснованием преддоговорной ответственности из предписаний позитивного права. Единственный вопрос, который их интересовал, заключался в соответствии такой ответственности общим принципам гражданского права. Такой подход к исследованию преддоговорной ответственности связан с неразвитостью оборота в социалистическую эпоху, соответственно в подобном институте отсутствовала практическая потребность³⁶.

Уже в годы действия ГК РСФСР 1922 г. отказ от оферты считался недобросовестным поведением при заключении договора, которое было признано основанием преддоговорной ответственности.

И.Б. Новицкий считал, что лицо, неправомерно отказавшееся от своего предложения, должно поставить сторону, к которой он выступал с офертой, в первоначальное имущественное положение. Вместе с тем положительный интерес, то есть выгода, которую добросовестная сторона могла бы получить, если бы стороны пришли к заключению договора, в таком случае не подлежит возмещению виновной стороной³⁷.

Преддоговорная ответственность исследовалась И.Б. Новицким в рамках учения Иеринга о *culpa in contrahendo*. Неисполнение обязательств, возникших при направлении оферты, он рассматривал как основание ответственности за разрыв переговоров и сводил ее размер к возмещению негативного интереса. Автор анализировал преддоговорную ответственность по модели договорной ответственности, что сближает данную концепцию с германским подходом.

По мнению С.И. Вильянского, момент заключения договора не связан с моментом направления оферты, что дает возможность offerentу передумать

---

³⁶ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 91.

³⁷ Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Госюриздат, 1950. С. 157-159.

вступать в договорные правоотношения и после того как контрагент получил предложение заключить договор, при этом другой стороне необходимо возместить ущерб, который был обусловлен отзывом оферты³⁸.

Таким образом, советский цивилистический подход обязывал виновную сторону компенсировать пострадавшей стороне преддоговорные убытки. Преддоговорная ответственность представляла собой ответственность за прекращение переговоров при наличии вины одной из сторон.

В нормах ГК РСФСР 1922 г. об отдельных видах договоров присутствуют отголоски ответственности за *culpa in contrahendo*. Так, статья 157 ГК РСФСР 1922 г. устанавливала ответственность наймодателя за недостатки вещи, которые не были и не могли быть известны нанимателю при заключении договора имущественного найма. Поскольку данная норма не устанавливала размер ответственности наймодателя, то согласно ст. 117 ГК РСФСР 1922 г. в его обязанности входило полное возмещение убытков контрагента, выразившихся в реальном ущербе и упущенной выгоде. Отсюда следует, что в случаях, при которых необходима защита добросовестности, законодатель включал не только заключение недействительных договоров, но и случаи, когда из-за ненадлежащего исполнения преддоговорных обязанностей одним из контрагентов был заключен действительный, но невыгодный для другого договор.

Еще одним примером преддоговорной ответственности выступает ст. 195 ГК РСФСР 1922 г., в соответствии с которой на продавца была возложена ответственность за убытки, которые понес покупатель, вызванные тем, что отсутствовало надлежащее качество вещи или имелись иные недостатки, которые существенно уменьшали ее стоимость или пригодность к обычному или предусмотренному договором употреблению. При этом закон также предоставлял защиту покупателю, который сам проявил невнимательность на стадии переговоров. Так, покупатель не был лишен права требовать

---

³⁸ Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Часть первая. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. С. 318.

возмещения убытков даже в том случае, когда он знал о недостатках товара во время заключения договора или имел возможность их усмотреть при необходимой с его стороны внимательности, если продавец отказывался признавать наличие таких недостатков³⁹.

Соответственно, уже ГК РСФСР 1922 г. содержал в себе нормы о преддоговорной ответственности. Данные правила распространялись также на ситуации, при которых была нарушена обязанность ведения переговоров на началах добросовестности. Обстоятельства, при которых наступала ответственность, предусмотренная такими нормами, разграничивались на два вида: заключение недействительного договора (ст. 151) и заключение действительного, но невыгодного для одной из сторон договора (ст. 157, ст. 192-194, ст. 195, ст. 200).

ГК РСФСР 1964 г. ввел некоторые новшества в регулирование последствий преддоговорных нарушений. В положения о возмещении расходов стороны в случае признания сделки недействительной как совершенной под влиянием заблуждения либо как совершенной лицом, не обладающим полной дееспособностью, были внесены изменения. Так, согласно абзацу 3 ст. 57 ГК РСФСР 1964 г. добросовестной стороне должен быть возмещен реальный ущерб⁴⁰.

В отношении сделок, одной из сторон которой выступало лицо, не обладающее полной дееспособностью, в ГК РСФСР был устранен законодательный пробел, отмеченный К. Гельдрихом⁴¹. В абзаце 3 ст. 51 ГК РСФСР 1964 г. было закреплено общее правило, в соответствии с которым на дееспособную сторону возлагалась обязанность возмещения недееспособному лицу реального ущерба.

---

³⁹ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 91.

Указанное положение подлежало применению в случаях, когда противоположная сторона сделки не обладала полной дееспособностью на момент ее совершения: вследствие несовершеннолетия (ст. 51 и 54 ГК РСФСР 1964 г.), признания недееспособным (ст. 52 ГК РСФСР 1964 г.) или ограничения в дееспособности (ст. 55 ГК РСФСР 1964 г.). Такое же правило было установлено в ст. 56 ГК РСФСР 1964 г. в отношении случаев недействительности сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими. Возместить реальный ущерб обязан был его контрагент, но только если была установлена вина дееспособной стороны в любой ее форме (абзац 3 ст. 51 и абзац 3 ст. 56 ГК)⁴².

Было несколько изменено основание ответственности наймодателя за вину в преддоговорных отношениях. В ГК РСФСР 1964 г. основное внимание уделялось активной роли наймодателя при заключении договора. Исходя из нормы абзаца 3 ст. 281, сообщение контрагенту о существующих недостатках, которое он сделал при заключении договора, служит единственным обстоятельством, исключающим ответственность наймодателя. В иных случаях считается, что наймодатель не исполнил свою преддоговорную обязанность и должен возместить нанимателю убытки в полном объеме.

Также ст. 345 ГК РСФСР 1964 г. установила ответственность ссудодателя, умышленно или по грубой неосторожности не сообщившего о недостатках объекта договора. В данном случае речь идет о том, что в случае, если передавшим имущество в безвозмездное пользование не были оговорены недостатки вещи при ее передаче, могут возникнуть сомнения в преддоговорном характере описываемого нарушения.

Преддоговорную ответственность можно было усмотреть в ст. 431 ГК РСФСР 1964 г., которая обязывала поклажедателя возместить хранителю убытки, причиненные свойствами сданного на хранение имущества, о которых хранитель при принятии вещи не знал и не должен был знать. Поскольку в ст.

---

⁴² Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 92.

422 ГК РСФСР 1964 г. договор хранения был сконструирован как реальный, преддоговорный характер обязанности поклажедателя предоставить хранителю необходимую информацию о свойствах передаваемой на хранение вещи очевиден.

Таким образом, в ГК РСФСР 1964 г. был расширен круг действия доктрины *culpa in contrahendo* при заключении действительного договора. При этом был сделан существенный шаг назад в вопросе объема преддоговорной ответственности в ситуациях, уже известных ГК РСФСР 1922 г. В отличие от положений ГК РСФСР 1922 г. общие последствия недействительности сделки, состоящие в обязанности возмещения реального ущерба независимо от вида неосторожности, вызвавшего заблуждение стороны, давали значительно меньший простор для правоприменительного творчества. В то время как положения ГК РСФСР 1922 г. опосредованно предоставляли возможность полного возмещения причиненного вреда, по крайней мере в случаях проявления грубой неосторожности одной из сторон при заключении договора. Положения ГК РСФСР 1922 г. являлись более пригодными для внедрения в отечественное законодательство института *culpa in contrahendo*, выработанного в доктрине европейской цивилистики⁴³.

Проблемам ответственности за *culpa in contrahendo* не уделялось должного внимания в связи с неразвитостью оборота и отсутствием высокой практической потребности в их решении. Существующую потребность способен был удовлетворить закрепленный в ГК РСФСР 1964 г. принцип генерального деликта, сопровождающийся обязанностью возмещения реального ущерба стороной, виновной в возникновении ущерба.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в социально-экономическом строе общества произошли определенные изменения, вследствие чего актуализировалась потребность в практическом решении вопросов преддоговорной ответственности. ГК РСФСР 1964 г. стал неспособен к

---

⁴³ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 93.

удовлетворительному ответу на вызов времени, что вызвало появление частных законов. Частично преддоговорная ответственность регулировалась Законом РФ «О защите прав потребителей»⁴⁴. В содержание части второй ГК РФ 1994 г. входило лишь несколько статей, предназначенных регулировать последствия вины в переговорах.

Положение Закона о защите прав потребителей об ответственности стороны за вред, причиненный потребителю в результате непредставления ему информации о товаре, работе или услуге являлось нормативным закреплением преддоговорной ответственности. Закрепление принципа преддоговорной ответственности для случаев заключения невыгодного для потребителя договора означало значительный шаг вперед.

Как отголосок доктрины *culpa in contrahendo* в немецком ее выражении можно рассматривать норму п. 2 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, согласно которой любой потерпевший вправе требовать возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), независимо от того, состоял ли он в договорных отношениях с продавцом (исполнителем). Данное правило восходит к идее защиты личности и имущества контрагента.

Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. содержала в себе предложение о включении в ГК РФ нормы о преддоговорной ответственности с применением опыта других государств в данной сфере. Результатом этой инициативы стало принятие ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ, который ввел в ГК РФ ст. 434.1, закрепляющую институт преддоговорной ответственности⁴⁵.

Таким образом, идеи о соответствии преддоговорной ответственности общим принципам гражданского права и необходимости ее введения существовали еще в дореволюционной России. В советский период

---

⁴⁴ См. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁴⁵ Данилова Е.С. Новеллы ГК РФ в сфере преддоговорной ответственности (*Culpa in contrahendo*) // Юридический вестник молодых ученых. 2016. №2. С. 45.

существовали нормы, регулирующие ответственность за вину в переговорах. Однако законодательное закрепление преддоговорной ответственности в качестве отдельного вида гражданско-правовой ответственности произошло лишь в 2015 г.

2 Понятие и основания преддоговорной ответственности

2.1 Понятие преддоговорной ответственности

Для того чтобы разобраться, что представляет из себя преддоговорная ответственность, в первую очередь следует охарактеризовать отношения, которые существуют до заключения договора и направлены на его заключение.

Поскольку договор – соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, то следует полагать, что преддоговорными отношениями являются отношения, предшествующие договору, так называемые отношения по заключению договора. Такие отношения возникают не из договора, а в результате совершения юридически значимых действий по достижению соглашения между сторонами, действий, направленных на заключение договора.

Любое правоотношение составляют такие элементы, как субъект, объект, правомочие и обязанность.

Для того чтобы преддоговорные контакты переросли в правоотношение, необходимо персонифицировать стороны такого правоотношения, то есть убедиться в наличии относительной, а не абсолютной связи. Лицо должно обрести определенную уверенность в запуске переговорного процесса.

Например, если заключение договора обязательно для одной из сторон, правовая связь, взаимные права и обязанности возникнут в случае, если стороне, для которой заключение договора обязательно, будет направлена оферта. У стороны, которая добросовестно вступает в этом случае в преддоговорные контакты, существует законное право рассчитывать на то, что вторая сторона совершит ответные действия по согласованию условий договора и его заключению. В свою очередь, сторона, которая получила оферту, обязана ее изучить и либо с ней согласиться, либо приступить к переговорам⁴⁶.

---

⁴⁶ Преддоговорные правоотношения: новое в Гражданском кодексе Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Дума – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – С. 51.

Если стороны свободны в заключении договора, то отношения по ведению переговоров возникнут при проявлении реакции на полученную оферту путем направления акцепта на иных условиях или путем иного вступления обеими сторонами в ведение переговоров о заключении договора. При этом лицо, получившее оферту, должно вести себя добросовестно и не отвечать на нее, если не имеет желания заключить договор⁴⁷.

Таким образом, представляется, что преддоговорные отношения возникают с момента совершения определенных волевых действий, позволяющих установить намерение сторон вести переговоры.

Более подробно момент возникновения преддоговорных отношений будет рассмотрен в следующем параграфе настоящей главы.

Необходимой предпосылкой преддоговорного отношения является принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ).

Принцип добросовестности действует с 1 марта 2013 года. Согласно п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения⁴⁸. Принцип добросовестности имеет достаточно широкое действие, он распространяется как на исполнение уже возникшего правоотношения, так и до того как у сторон возникли права и обязанности (при установлении прав), а также после того как обязательства прекратятся и даже в рамках охранительного правоотношения⁴⁹. Иными словами, принцип добросовестности

---

⁴⁷ Преддоговорные правоотношения: новое в Гражданском кодексе Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Дума – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – С. 51.

⁴⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : (в ред. от 16 дек. 2019 г.) // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁴⁹ Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Дума – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – С. 5.

должен быть применим ко всем стадиям хозяйственной деятельности, включая стадию ведения переговоров.

Отмечается, что во многих странах принцип добросовестности явился той отправной точкой, с которой в них началось развитие института преддоговорной ответственности⁵⁰.

Статья 434.1 ГК РФ устанавливает особые требования к добросовестности применительно к переговорам о заключении договора: при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, а сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

Во-первых, норма предписывает сторонам вести себя добросовестно. Во-вторых, предусматривает ответственность для стороны, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно⁵¹.

В настоящее время в законодательстве отсутствует легальная дефиниция преддоговорной ответственности. Это дает повод для различного рода мнений в гражданско-правовой доктрине по подходам к ее определению.

Пункт 3.7.2. Концепции развития гражданского законодательства содержал предложение об установлении в ГК РФ правила о преддоговорной ответственности, которое заключалось бы в следующем:

- любой участник гражданского оборота может свободно вести переговоры по заключению договора и не отвечает за то, что соглашение с потенциальным контрагентом не было достигнуто, при этом сторона, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно, несет ответственность за потери, причиненные другой стороне;
- в качестве критерия недобросовестности могут, в том числе, выступать

---

⁵⁰ Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Дума – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – С. 5.

⁵¹ Дёмкина А.В. Теория преддоговорного обязательства // Юрист. 2017. № 11. С. 11 - 15.

вступление стороны в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, получение необоснованных благ от раскрытия другой стороной информации в ходе переговоров;

- обеспечение сохранности конфиденциальной информации: если конкретная информация передается одной стороной в качестве конфиденциальной в процессе переговоров другой стороне, то последняя обязана не раскрывать эту информацию или не использовать ее ненадлежащим образом для собственных целей; независимо от того, заключен ли впоследствии договор, в случае раскрытия конфиденциальной информации законодателю не следует ограничиваться взысканием убытков, рекомендуется установить компенсацию, которая будет равна или превышать выгоду виновной стороны⁵².

Таким образом, Концепция развития гражданского законодательства предлагала установить правила о преддоговорной ответственности, которые действовали бы в согласии с принципом добросовестности и принципом свободы договора.

Пункт 1 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает общее правило ведения переговоров, в соответствии с которым граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не было достигнуто. Отсюда следует вывод, что данная норма построена на признании принципа свободы договора, входящего в число основополагающих принципов гражданского права.

И.З. Аюшеева находит в новой норме ГК РФ пределы осуществления таких неотделимых компонентов принципа свободы договора, как право самостоятельно принимать решение о вступлении в договорные отношения, право свободно участвовать в переговорах и делать выбор об их

---

⁵² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

продолжении⁵³. Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законом или добровольно принятым обязательством. Несомненно, правила, установленные ст. 434.1 ГК РФ, не аннулируют данное положение, однако если до момента вступления в силу статьи 434.1 ГК РФ на стороны, по общему правилу, нельзя было возложить ответственность за незаключение договора, то теперь стороны переговоров о заключении договора наделены определенными взаимными обязательствами, при нарушении которых с виновной стороны могут быть взысканы убытки в пользу потерпевшей стороны. Указанная норма содержится среди общих положений договорного права, поэтому применяется к любому виду договора⁵⁴.

В литературе подчеркивается ценность новых правил ст. 434.1 ГК РФ, которая заключается в том, что они «будут способствовать улучшению инвестиционного климата в стране и в целом оздоровлению имущественного оборота»⁵⁵.

Понятие преддоговорной ответственности нельзя назвать новым для гражданского права. Как ранее отмечалось в главе 1, еще в XIX в. Р. Иеринг был одним из первых, кто создал теорию преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*).

Р. Иеринг считал более обоснованной следующую позицию: «Кто заключает договор, из круга чисто негативных обязанностей в рамках внедоговорных отношений вступает в сферу договорных позитивных обязанностей. Не одни только существующие, но уже и возникающие договорные отношения должны быть защищены правилами о *culpa*, а если с

---

⁵³ Аюшеева И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // *Lex russica*. 2017. № 5. С. 136 - 147.

⁵⁴ Там же. С. 136 - 147.

⁵⁵ Витрянский В.В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства // *Кодификация российского частного права 2015* / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

этой стороны договорные отношения не получили серьезного регулирования, каждый контрагент должен отдавать себе отчет в том, что может стать жертвой чужой небрежности. Чтобы, напротив, дать ему уверенность, нужно не побуждать его к тому, чтобы ему прямо гарантировалось отсутствие culpa или специально оговаривалась наличие каждого условия действительности договора, а закон может и должен избавить его от этой заботы, подразумевая в самих действиях по заключению договора (*in das Contrahiren selbst verlegt*) молчаливое предоставление этой гарантии»⁵⁶. При этом в доктрине можно обнаружить упоминание о том, что уже тогда суды применяли общие нормы о внедоговорной ответственности при взыскании убытков, вызванных недобросовестным поведением стороны в переговорном процессе⁵⁷.

В отечественном гражданском праве правила о преддоговорной ответственности также не являются абсолютно новыми. Так, с тех пор как была принята часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации, в некоторых нормах институт преддоговорной ответственности находил свое выражение: например, в ст. 507 ГК РФ предусмотрена возможность привлечения стороны, предложившей заключить договор, к ответственности в виде возмещения убытков за несоблюдение процедуры заключения договора поставки, даже если договор поставки так и не был заключен; в соответствии со ст. 445 ГК РФ сторону, недобросовестно уклоняющуюся от заключения договора, можно было привлечь к ответственности в случае, если заключение договора носило для него обязательный характер. Существовали также и иные случаи установления прав и обязанностей сторон, а также последствий их несоблюдения на преддоговорной стадии⁵⁸.

Согласно ст. 178, 179 ГК РФ в случаях сообщения недостоверных сведений при заключении договора либо в случае заблуждения одной из сторон договора относительно определенных обстоятельств по сделке можно было

---

⁵⁶ Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 220.

⁵⁷ Там же. С. 263 - 264.

⁵⁸ Аюшеева И.З. Указ.соч. С. 136 - 147.

требовать признания сделки недействительной, а также возмещения убытков недобросовестной стороной. Вопрос о природе таких отношений, а также обязанностей при вступлении в такие отношения, возлагаемых на контрагента на преддоговорной стадии, однозначно не решен⁵⁹.

На сегодняшний день особенно важным является вопрос о природе преддоговорной ответственности. В связи с тем, что в действующем гражданском законодательстве нормы, регулирующие возникновение ответственности на стадии до заключения договора, вошли в состав общих положений о договоре и, соответственно, ими регулируются отношения сторон по вопросу заключения любого вида гражданско-правового договора, кроме отдельных случаев, необходимо выяснить, имеет ли преддоговорная ответственность договорный, внедоговорной характер ответственности или является совершенно самостоятельным видом ответственности.

Р. Иеринг придерживался точки зрения о том, что преддоговорную ответственность следует относить к договорной⁶⁰.

В современных источниках высказывается мнение о недопустимости однозначного восприятия преддоговорной ответственности ни как договорной, ни как деликтной, что мотивировано невозможностью наступления договорной ответственности ввиду того, что между сторонами не был заключен действительный договор, и невозможностью применения деликтного права для формирования правил о преддоговорной ответственности, поскольку для привлечения к деликтной ответственности необходимо наличие противоправного деяния, то есть вред охраняемым законом интересам, подлежащий возмещению. Однако то, что нормы о преддоговорной ответственности входят в состав договорного права, а потерпевшая от недобросовестного поведения сторона несет убытки в связи с подготовкой к заключению договора, дает основание считать, что такая ответственность по

---

⁵⁹ Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2009. № 3. С. 31 - 41.

⁶⁰ Гнищевич К.В. Указ.соч. С. 220.

своим свойствам относится больше к договорной, то есть является **квазидоговорной**⁶¹.

Существует также суждение о деликтном характере такой ответственности, в обоснование которого приводится довод о том, что в данном случае не представляется возможным применение норм о договорной ответственности по той причине, что стороны переговоров не имеют взаимных обязанностей по причине отсутствия самого договора. Такой подход к природе преддоговорной ответственности продвигает О.Н. Садиков⁶².

Однако далеко не все ученые разделяют приведенную точку зрения, аргументируя это тем, что в основании преддоговорной ответственности отсутствует соответствующий юридический факт, который позволил бы применять к ней нормы деликтного права. Так как договор еще не существует, а субъекты гражданского оборота могут самостоятельно принимать решение о принятии на себя обязательств по договору, то действия недобросовестной стороны нельзя квалифицировать ни как нарушающие договор, ни как посягающие на абсолютные права и блага другой стороны. Поэтому ответственность за *culpa in contrahendo* следует относить к особому виду гражданско-правовой ответственности – преддоговорной. При этом следует иметь в виду, что если стороны заключат соглашение о порядке ведения переговоров, то ответственность приобретет договорный характер⁶³.

Рассуждения о правовой природе преддоговорной ответственности, урегулированной новой нормой ст. 434.1 ГК РФ, приводят к умозаключению о том, что одного факта нахождения норм о преддоговорной ответственности в разделе гражданского законодательства об ответственности за нарушение обязательств недостаточно для того, чтобы в целом охарактеризовать такую ответственность как договорную.

---

⁶¹ Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: *culpa in contrahendo*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 11 - 12.

⁶² Садиков О.Н. Недействительные и несостоявшиеся сделки // Юридический мир. 2000. № 6. С. 11.

⁶³ Данилова Е.С. Новеллы ГК РФ в сфере преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*) // Юридический вестник молодых ученых. 2016. № 2. С. 50.

За период действия ст. 434.1 ГК РФ успела сложиться немногочисленная, но интересная судебная практика. Некоторые из примеров описаны в Обзоре судебной практики об ответственности за недобросовестное ведение переговоров⁶⁴.

1. Общество с ограниченной ответственностью (ООО) «Декорт» обратилось в Арбитражный суд Московской области с исковым заявлением о взыскании с общества с ограниченной ответственностью (ООО) «АШАН» убытков за недобросовестное ведение переговоров в виде упущенной выгоды – неполученных арендных платежей в размере 15 665 814 руб. 84 коп. за период с 31.03.2016 по 01.10.2016.

Решением Арбитражного суда Московской области от 04.04.2017 г. исковые требования удовлетворены в полном объеме.

Переговоры по аренде продолжались между сторонами более полугода, после чего проекты договора были согласованы и подписаны потенциальным арендодателем. Однако когда они поступили на подписание арендатору, он внезапно прекратил контакт с контрагентом.

Обратившись в суд, арендодатель ссылаясь на недобросовестность действий контрагента.

Суд принял решение о доказанности недобросовестности ответчика. Истец был убежден в серьезности намерений потенциального арендатора. Его уверенность обусловлена тем, что в процессе переговоров потенциальный арендатор проводил финансовый и юридический анализ документов, согласовывал основные и детальные условия сделки по всем существенным, коммерческим и техническим вопросам, направлял запросы на предоставление необходимых документов. В сложившейся ситуации арендодатель не мог ожидать, что контрагент внезапно и неоправданно прекратит переговоры по заключению договоров.

---

⁶⁴ Обзор: «Судебная практика об ответственности за недобросовестное ведение переговоров» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

Истец также смог доказать наличие убытков в виде упущенной выгоды. Упущенная выгода была вызвана тем обстоятельством, что, для того чтобы подготовить помещение к сдаче для нового контрагента, арендодатель был вынужден освободить его от прежних арендаторов. И если бы истец не вступил в переговоры с недобросовестным контрагентом, то получил бы доходы от сдачи в аренду прежним арендаторам.

Апелляция, а вслед за ней, и кассация решение оставили в силе и отклонили многочисленные возражения ответчика, в частности о том, что сделка не получила корпоративного одобрения, и истец должен был предполагать возможность такого исхода⁶⁵.

2. ООО «Орион» обратилось в арбитражный суд с иском к АО «Тандер» о взыскании 789 495 рублей убытков, вызванных недобросовестным прерыванием переговоров по заключению договора аренды недвижимого имущества, в виде реального ущерба, понесенного в связи с приготовлением к заключению договора, а также 4 645 161 рубля 20 копеек расходов, вызванных утратой своевременной возможности заключить договор аренды с третьим лицом за период с 04.04.2016 по 31.07.2016 (уточненные требования).

Решением от 06.06.2017, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 07.09.2017, в иске отказано. Судебные акты мотивированы тем, что истец не доказал наличие недобросовестных действий ответчика по заключению договора аренды, а также размер убытков и их возникновение в связи с ведением переговоров⁶⁶.

В частности, причинами отказа явились следующие:

- документы, которые были переданы между участниками переговоров, не имели статуса оферты и не были подписаны;

---

⁶⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2017 № Ф05-16349/2017 по делу № А41-90214/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Судебная практика. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.01.2018 № Ф08-10035/2017 по делу № А32-41814/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

- истец получил реальную возможность заключения договора значительно позже начала переговоров;
- переговорщик ответчика не имел полномочий на заключение договора;
- истец сам отказался вести переговоры, не дав контрагенту по переговорам разумного срока для ответа на предложения истца. Восьмидневный срок со дня получения письма истца был признан неразумным;
- истец оперативно нашел нового арендатора⁶⁷.

Исходя из вышеизложенных взглядов в научной литературе, изучения норм действующего законодательства и судебной практики следует, что в цивилистике до сих пор отсутствует единый подход к определению природы преддоговорной ответственности. Однако в связи с тем, что между сторонами не возникает самих по себе договорных правоотношений до момента заключения договора, более мотивированной является позиция, в соответствии с которой преддоговорную ответственность нельзя признать исключительно договорной, несмотря на расположение правил о ней в общей части договорного права.

И.З. Аюшеева определяет понятие преддоговорной ответственности в широком и узком смысле. В широком смысле преддоговорной ответственностью можно признать всю совокупность гражданско-правовых принудительных мер имущественного характера, применяемых к лицам, не исполнившим или ненадлежащим образом исполнившим любые так называемые преддоговорные обязанности, возникшие на преддоговорной стадии в рамках организационных преддоговорных отношений; к тем, кто злоупотребляет своими правами на стадии заключения договора, недобросовестно ведет переговоры о заключении договора, дает ложные заверения об обстоятельствах на стадии до его заключения и т. д., независимо от того, заключен договор или нет⁶⁸.

---

⁶⁷ Обзор: «Судебная практика об ответственности за недобросовестное ведение переговоров» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁶⁸ Аюшеева И.З. Указ.соч. С. 136 - 147.

Причем такая ответственность может быть выражена как в договорной, так и во внедоговорной (квазидоговорной, деликтной) форме ответственности, что непосредственно зависит от оснований и условий ее возникновения. Договорной такая ответственность может быть признана только при наличии заключенного договора и установленных законом специальных способов защиты от нарушения недобросовестной стороной преддоговорных (как правило, информационных) обязательств. Если по результатам переговоров заключенное соглашение отсутствует вследствие неисполнения одной из сторон возложенных на нее обязательств, то такая ответственность должна быть отнесена к квазидоговорной. Если сторона сознательно вступает в переговоры недобросовестно, что может проявляться во вступлении в переговоры с заведомым намерением получить конфиденциальную информацию, воспрепятствовать заключению договора с конкурентом или с заведомым намерением не продолжать переговоры, то такие действия следует признать злоупотреблением правом, к которому применяются нормы о деликтной ответственности.

В узком смысле, исходя из норм действующего законодательства, преддоговорную ответственность определяют как ответственность только за те нарушения, которые имели место на стадии до ведения переговоров, если при этом заключение договора так и не произошло по причине таких нарушений. Соответственно, преддоговорную ответственность в узком смысле относят к внедоговорной ответственности: в зависимости от конкретных обстоятельств дела и оснований ее возникновения в одних случаях она становится квазидоговорной, в других – деликтной⁶⁹.

С учетом изложенных позиций, природа преддоговорной ответственности не может быть однозначно определена исходя из положений действующего законодательства; фактически она неоднородна. Это можно объяснить особыми свойствами организационных отношений, в которых она возникает: если организационные отношения впоследствии привели к заключению договора, то

---

⁶⁹ Аюшеева И.З. Указ.соч. С. 136 - 147.

ответственность становится договорной, поскольку она возникает в рамках возникших договорных отношений. Если преддоговорные контакты не приводят к заключению договора, то в случаях, предусмотренных законом, может возникнуть внедоговорная ответственность. Отсюда следует, что преддоговорная ответственность содержит признаки как договорной, так и внедоговорной ответственности, поэтому в широком смысле ее трудно признать полностью самостоятельным видом ответственности, она может быть как договорной, так и внедоговорной (деликтной или квазидоговорной)⁷⁰.

Исходя из вышеизложенного можно дать следующее определение преддоговорной ответственности: преддоговорная ответственность – это меры принуждения имущественного характера, возникающие в связи с недобросовестными действиями контрагента на стадии ведения переговоров.

---

⁷⁰ Аюшеева И.З. Указ.соч. С. 136 - 147.

2.2 Основания преддоговорной ответственности

Вопрос об основаниях возникновения преддоговорной ответственности является одним из наиболее дискуссионных в гражданской правовой науке.

Существует мнение, что обязательным условием наступления преддоговорной ответственности является недобросовестное поведение контрагента⁷¹, что также было отмечено ранее. При этом не раскрывается, с каких пор на сторону возлагается обязанность вести себя добросовестно в переговорном процессе. Вместе с тем установление оснований преддоговорной ответственности во многом зависит от правильного определения момента и основания возникновения такой обязанности.

Вопрос об определении момента, с которого сторона становится обязанной вести себя добросовестно в отношении контрагента, в литературе также вызывает дискуссию.

Так, Е.А. Крашенинников, Ю.В. Байгушева определяют момент возникновения обязанности по добросовестному ведению переговоров следующим образом: «Момент возникновения обязанности к добросовестному ведению преддоговорных переговоров определяется моментом вступления партнера в переговоры, независимо от того, ведутся ли они устно или письменно. Если договор заключается таким способом, что ни один из партнеров не делает другому готовое к принятию предложение, а оба партнера вместе составляют текст договора и затем выражают согласие с ним через его подписание, то партнеры становятся обязанными к добросовестному ведению переговоров одновременно с началом работы над текстом договора. Если преддоговорные переговоры проводятся в заранее подготовленном для этого одним из партнеров помещении, то обязанности к добросовестному ведению преддоговорных переговоров возникают у обоих партнеров в момент проникновения другого партнера в подготовленное помещение с намерением

---

⁷¹ Аюшеева И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex russica. 2017. № 5. С. 136 - 147.

провести переговоры или узнать о возможности заключения договора; до этого момента подготовивший помещение не считается вступившим в переговоры, поскольку еще не определилась личность его партнера. Если потенциальный партнер по переговорам проникает в подготовленное помещение с какой-то иной целью, например, для того, чтобы укрыться от непогоды или встретиться с третьим лицом, то стороны не вступают в преддоговорные переговоры»⁷².

В указанной позиции можно усмотреть, что требуемой предпосылкой возникновения обязанности действовать добросовестно в переговорном процессе и возникновения преддоговорных правоотношений является персонификация каждой из сторон переговоров, а также наличие их интереса и воли, которая ориентирована на переговоры.

По мнению Е.Б. Подузовой, «поиск контрагента, переговоры с потенциальными контрагентами с целью выяснения возможности и целесообразности заключить договор не порождают правовых последствий для адресатов оферты или рекламы. Основанием возникновения организационного отношения являются юридические факты, порождающие правовые последствия для двух и более сторон. Указанные основания возникновения внешних организационных отношений либо вовсе не порождают правовых последствий, либо порождают правовые последствия лишь для одной стороны»⁷³. Автор также заявляет, что стороны могут заключить соглашение о порядке ведения переговоров, и считает необходимым дополнить гл. 27 ГК РФ статьей, которая включала бы легальное определение такого соглашения, а также правила о его форме и содержании. Автор приветствует только письменную форму такого договора⁷⁴.

Большое количество внимания исследованию преддоговорных правоотношений уделяли немецкие ученые, которые также не имели единого

---

⁷² Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 82-93.

⁷³ Подузова Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве: Монография. М., 2015 С. 3.

⁷⁴ Там же.

подхода к определению основания возникновения обязанности вести себя добросовестно на стадии переговоров.

Г. Штоль признавал основанием возникновения преддоговорных обязательств вступление в переговоры, вследствие чего и возникает обязательственное правоотношение⁷⁵. Автор считал, что основанием такого правоотношения является односторонняя сделка – предложение заключить договор или вступить в переговоры.

Г. Зибер придерживался мнения, что сразу после того как лицо вошло в магазин на стороны возлагаются взаимные обязательства по добросовестному поведению, то есть переговорный процесс иницируется в результате действий лица, по которому можно определить намерение установить такие правоотношения (конклюдентные действия)⁷⁶. Согласно теории «фактического договора» Г. Гаупта «правоотношение возникает не только при заключении договора, но и из фактического осуществления типичной жизненной связи – социального контакта»⁷⁷.

Таким образом, именно конкретные действия сторон служат основанием возникновения обязательственных правоотношений по переговорам. Это должны быть такие волевые действия, из которых отчетливо видно стремление лица к участию в переговорах. При этом вторая сторона должна либо совершить в ответ такое же достаточно определенное действие, либо обязана отреагировать на первое действие в соответствии с законом. Законом могут устанавливаться требования к такому действию (например, объявление торгов, направление оферты в случае обязательного заключения договора)⁷⁸.

Часть 1 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает общее правило, согласно которому граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о

---

⁷⁵ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. С. 65.

⁷⁶ Там же. С. 64.

⁷⁷ Там же. С. 69.

⁷⁸ Демкина А.В. Основания возникновения преддоговорного обязательства // Журнал российского права. 2017. № 1. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

заключении договора. Также установлено, что участники переговоров не несут ответственности за то, что соглашение не было достигнуто. Последнее положение имеет два основных аспекта.

Во-первых, решение о применении или неприменении преддоговорных мер ответственности не должно зависеть от исхода переговоров. В ходе переговоров ответственность может возникнуть только в том случае, если переговоры ведутся недобросовестно (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) и в случаях нарушения сторонами обязательств, установленных соглашением о порядке ведения переговоров (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ).

Во-вторых, этот критерий позволяет различать ответственность за ведение переговоров и ответственность за нарушение предварительного договора. Это имеет наибольшую актуальность при проведении переговоров на основе условий специально заключенного соглашения (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ). Такое соглашение не создает обязательства по заключению основного договора в будущем, а значит, исключено предъявление иска о принудительном заключении договора на его основании⁷⁹.

Из анализа норм ст. 434.1 ГК РФ следует, что законодатель выделяет **три основания возникновения преддоговорной ответственности**:

1) недобросовестные действия (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), которые должны квалифицироваться как недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ;

2) неисполнение или ненадлежащее исполнение условий соглашения о порядке ведения переговоров (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ), устанавливающего меры ответственности;

3) факт причинения вреда, являющийся основанием для деликтной ответственности в соответствии с правилами гл. 59 ГК РФ (п. 8 ст. 434.1 ГК РФ).

---

⁷⁹ Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

Далее следует более подробно рассмотрено каждое из оснований преддоговорной ответственности.

Недобросовестность как основание преддоговорной ответственности.

После проведения реформы обязательственного права 2015 г. в гражданском законодательстве появилась норма, обязывающая к добросовестному поведению сторон при ведении переговоров.

Ответственность за недобросовестное поведение в переговорах возникает в случае ухудшения имущественного положения стороны переговоров, которое может проявляться в виде реального ущерба и упущенной выгоды. Такое недобросовестное поведение должно быть квалифицировано как злоупотребление правом на действия «своей волей и в своем интересе», которое влечет за собой применение мер ответственности, предусмотренных п. 4 ст. 10 ГК РФ. В данном случае речь идет именно о нарушении принципа права, а не нарушении прав участников переговоров⁸⁰.

На практике довольно сложно применить принцип запрета недобросовестного поведения, трудности вызывает квалификация такого поведения в качестве злоупотребления правом. В данном случае следует сослаться на правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которой, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное

---

⁸⁰ Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения⁸¹.

В одном из своих определений Верховный Суд РФ отметил, что презумпция добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений, установленная п. 5 ст. 10 ГК РФ, подразумевает, что и бремя доказывания обратного лежит на стороне, заявляющей о недобросовестности и неразумности этих действий⁸². При этом нарушитель становится обязан доказать добросовестность своего поведения, если потерпевшая сторона обосновала свою позицию о недобросовестности действий контрагента, его намерении причинить ему вред⁸³.

Пункт 2 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает открытый перечень составов недобросовестности в переговорах. При выявлении одного из поименованных составов суд вправе применить нормы п. 4 ст. 10 ГК РФ о возмещении убытков, возникших в результате злоупотребления правами. В п. 2 ст. 434.1 ГК РФ установлено четыре таких состава.

1. Отсутствие явного намерения достичь соглашения с другой стороной.

В таком случае недобросовестная сторона ведет переговоры только для видимости и не преследует цели заключить договор. Например, контрагент может вести переговоры лишь с намерением заставить договаривающуюся сторону отказаться от заключения аналогичного договора с прямым конкурентом контрагента.

---

⁸¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁸² Определение Верховного Суда РФ от 01.09.2015 по делу № 5-КГ15-92 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁸³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та; Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2014 № 25-КГ14-3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

Однако на практике достаточно трудно выявить тот факт, что сторона не имеет явного намерения достичь соглашения с другой стороной.

Так, акционерное общество «Омскэлектро» (далее – общество) обратилось в Арбитражный суд Омской области с иском к бюджетному учреждению здравоохранения Омской области «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи № 1» (далее – учреждение) о взыскании расходов на подготовку и выдачу технических условий в размере 396 083 рублей 52 копеек.

Решением от 15.02.2017 Арбитражного суда Омской области, оставленным без изменения постановлением от 03.05.2017 Восьмого арбитражного апелляционного суда, в удовлетворении иска отказано.

Общество обратилось с кассационной жалобой, просит указанные решение и постановление судов отменить и принять по делу новый судебный акт об удовлетворении исковых требований в полном объеме.

Кассационная инстанция сочла отказ обеих инстанций в удовлетворении иска правомерным, ссылаясь на следующее.

«Предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (пункт 5 статьи 10, пункт 1 статьи 421 и пункт 1 статьи 434.1 ГК РФ). При этом правило пункта 2 статьи 1064 ГК РФ не применяется (пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

Таким образом, поскольку добросовестность действий сторон переговоров предполагается, то имеется презумпция отсутствия обязанности у

лица, прервавшего переговоры, по компенсации убытков другой стороне. Оснований полагать, что эта презумпция опровергнута истцом в настоящем деле не имеется, учитывая статус ответчика, являющегося бюджетным учреждением, то есть непрофессиональным участником гражданского оборота»⁸⁴.

2. Предоставление контрагенту переговоров неполной или недостоверной информации.

При применении этого основания преддоговорной ответственности важно иметь в виду, что такое поведение будет считаться недобросовестным только в том случае, если контрагенту будет сообщена неполная или недостоверная информация с явным умыслом, который не обязательно должен быть прямо направлен на причинение вреда другой стороне переговоров.

В ряде случаев законодатель устанавливает для сторон обязательные требования по совершению определенных действий, к таким случаям, в частности, относится продажа предприятия (ст. 561 ГК РФ). Стороны также проверяют предмет договора, исследуя сам объект (например, ст. ст. 612 и 616 ГК РФ), проверяют юридическую чистоту сделки, оценивают финансовые риски и определяют формат будущих отношений. Для этого стороны используют различную информацию⁸⁵.

Однако сторона не всегда имеет возможность самостоятельно получить информацию, необходимую ей для принятия решения о вступлении в договорное правоотношение, поэтому вынуждена полагаться на сведения, предоставляемые ей контрагентом или третьей стороной. Данные сведения

---

⁸⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.08.2017 № Ф04-2947/2017 по делу № А46-14889/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁸⁵ Казаченок С.Ю. Процедура преддоговорных взаимоотношений между сторонами предпринимательского договора как стадия заключения договора («Предпринимательское право», 2019, № 1) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

могут иметь определяющее значение для принятия решения стороны о вступлении в договорные отношения.

В связи с тем, что предоставление стороне переговоров неполной или недостоверной информации относится к недобросовестному поведению, в случае расхождения сделанных стороной заверений с действительными обстоятельствами виновная сторона может быть привлечена к преддоговорной ответственности.

Если факт недостоверного характера информации, предоставленной на преддоговорной стадии, был выявлен уже в процессе исполнения заключенного договора, то виновная сторона привлекается к ответственности в соответствии с правилами ст. 431.2 ГК РФ.

Институт «заверения об обстоятельствах» получил распространение в российском законодательстве из английского правопорядка (warranties and representations). Английское право условно разделяет сообщения о фактах, имеющих значение для заключения договора, на несколько групп:

- о предмете сделки (применительно к купле-продаже акций это сведения о правах на них, общем состоянии компании, наличии у нее необходимых лицензий и документов, отсутствии налоговых и иных задолженностей, споров и нарушений законодательства и т.д.);
- сторонах сделки (сведения об их финансовой стабильности, полноте полномочий представителей, а также о том, что юридическое лицо зарегистрировано, находится по определенному адресу и т.д.);
- правах и титулах (принадлежность права собственности на движимое и недвижимое имущество лица, результаты интеллектуальной деятельности);
- самой сделке и иных обстоятельствах⁸⁶.

Отличие заверений (representations) от гарантий (warranties) заключается в том, что заверения не всегда являются условиями договора, а только утверждают об определенном обстоятельстве, гарантии же всегда включаются в

---

⁸⁶ Вашкевич А., Вдовин В. Заверения и гарантии в России // Корпоративный юрист. 2013. № 9.

текст договора, и их нарушение влечет наступление договорной ответственности в форме возмещения убытков. Ложное же заверение дает право покупателю расторгнуть договор и взыскать убытки⁸⁷.

Следует отметить, что в настоящее время в практике еще не сложилось единое мнение относительно критериев «заверения об обстоятельствах». К примеру, на стадии ведения переговоров выделяют заверения о предмете договора, о полномочиях на заключение договора, о необходимых лицензиях и разрешениях, о финансовом положении. Так, Решением Арбитражного суда Архангельской области в качестве заверения об обстоятельствах было признано «заверение ответчика о намерении заключить договор на подключение строящегося объекта своей организации к инженерным сетям, а также о готовности заключить договор на технологическое присоединение к сетям инженерного обеспечения в течение 10 дней»⁸⁸, о наличии разрешенной документации на строительство, об отсутствии крупной задолженности перед другими кредиторами.

Также судебная практика относит к числу заверений об обстоятельствах информацию о соблюдении налогового законодательства по предшествующим сделкам в части налогового вычета (НДС). Неполучение налоговых вычетов, которые являются особым механизмом компенсации расходов хозяйствующего субъекта, признается убытками стороны по договору, возникшими у нее в связи с тем, что она полагалась на данные обстоятельства при заключении договора. При отсутствии соответствующих заверений сторона не имеет права на взыскание в связи с тем, что это будет рассматриваться как дополнительная публично-правовая санкция за нарушение частноправового обязательства⁸⁹. В

---

⁸⁷ Ансон В. Договорное право / Под общ.ред. О.Н. Садикова. М.: Юридическая литература, 1984. С. 97 и след.

⁸⁸ Решение от 24 июня 2016 г. по делу № А05-59/2016 Арбитражного суда Архангельской области [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁸⁹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 июня 2017 г. № Ф08-2428/2017 по делу № А53-22858/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс :

данном случае можно наблюдать тонкую грань между применением статьи 431.2 ГК РФ и п. 1 ст. 406 ГК РФ. Карапетов А. Г. склоняется к мысли о том, что при взыскании имущественных потерь стороны в случае отказа ей в налоговом вычете по причине недобросовестности ее контрагента должны применяться правила п. 1 ст. 406 ГК РФ. Заверения об обстоятельствах обычно относятся к фактам, которые уже существуют на момент их представления, а обязательства по возмещению убытков предназначены для покрытия убытков от наступления определенных обстоятельств в будущем⁹⁰.

Кроме того, заверения относительно отказа от права не являются заверениями об обстоятельствах по смыслу п. 1 ст. 431.2 ГК РФ⁹¹.

Поскольку законодатель не разделяет в тексте ст. 431.1 ГК РФ заверения и гарантии, то включение в договор таких заверений не является обязательным условием. Однако необходимо доказать их наличие, тот факт, что сторона опиралась, главным образом, на данные заверения при принятии решения о заключении договора. В частности, покупатель акций при их приобретении может полагаться на ежегодный отчет акционерного общества, который ему предоставляет продавец. Следовательно, когда предоставление информации не является составной частью договора, и другая сторона несет определенные убытки, связанные с тем, что она полагалась на эту информацию, которая оказалась недостоверной, то, в сущности, должна наступать деликтная ответственность. Но если заверения (гарантии) стали частью договора, то можно вести речь о договорной ответственности. В этой связи на практике могут возникать трудности с моделью исчисления убытков: позитивная (договорная) или негативная (деликтная). Законодатель смешивает договорную и деликтную ответственность и допускает даже взыскание неустойки применительно к последней. Кроме того, в отличие от общих правил о

справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁹⁰ Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43 - 56.

⁹¹ Сегалова Е.А. Судебная практика по заверениям об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6. С. 18.

виновном характере деликтной ответственности, в отношении предпринимателей допускается ее безвинный характер, что не вписывается в концептуальные модели двух видов ответственности⁹². Ввиду этого, как верно отмечено С.Л. Будылиным: «Необходимо вновь сепарировать смешанный законодателем коктейль на отдельные ингредиенты, а именно на правила, относящиеся к заверениям и гарантиям, т.е. к разным видам ответственности за недостоверные утверждения»⁹³.

В том случае, когда заверения имели важное значение для стороны договора, при выяснении ложности их характера сторона имеет возможность отказаться от договора. Сторонам предоставлена возможность своим соглашением нивелировать данное право, но в таком случае можно расторгнуть договор в судебном порядке.

Если сторона полагалась на недобросовестные заверения, у нее возникает право требовать признания договора недействительным (ст. ст. 179, 178 ГК РФ) вместе с требованием о взыскании убытков. Признание договора недействительным возможно и в том случае, если сторона, сообщавшая утверждение, не знала о его ложности, не имела достаточно серьезных оснований полагать, что оно истинно. В этой связи стоит обратиться к информационному письму Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами ст. ст. 178 и 179 ГК РФ»⁹⁴, которым постулируется возможность конкуренции способов защиты продавца в случае продажи ему некачественного товара: признать договор

---

⁹² Казаченок С.Ю. Процедура преддоговорных взаимоотношений между сторонами предпринимательского договора как стадия заключения договора [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁹³ Будылин С.Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 96 - 133; № 4. С. 52 - 111.

⁹⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

недействительным на основании ст. 179 ГК РФ и применить специальные способы, предусмотренные ст. 475 ГК РФ. Соответственно, если стороне предоставлена ненадлежащая информация на преддоговорной стадии, она имеет право применить специальные меры защиты, предусмотренные для данной модели договоров, и договорные санкции, сохранив при этом сам договор (п. 1 ст. 393 ГК РФ).

3. Намеренное умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны (ч. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

В данном случае важно учитывать, каким образом предоставление той или иной информации может отразиться на решении контрагента о заключении договора, по поводу которого был начат процесс переговоров. Если в такой ситуации нарушитель оперирует рассуждениями о том, что информация, которую он должен был предоставить противоположной стороне переговоров, не является существенной, то его действия должны приравниваться к грубой неосторожности и квалифицироваться в качестве одной из разновидностей прямого умысла на причинение вреда.

К обстоятельствам, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны, закон относит следующую информацию (пункт 2 статьи 178 ГК РФ):

- о предмете сделки, в частности таких его качествах, которые в обороте рассматриваются как существенные;
- о природе сделки;
- о лице, которое вступает в сделку, или лице, связанном со сделкой;
- об обстоятельстве, которое участник переговоров упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого он с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.

4. Внезапное и неоправданное прекращение переговоров.

Этот вид недобросовестного поведения при переговорах предусмотрен п. 2 ч. 2. ст. 434.1 ГК РФ и является потенциально наиболее опасным видом

недобросовестного поведения. Его целесообразно квалифицировать в качестве недобросовестного только в том случае, если сторона заявила о прекращении своего участия в переговорах при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Такое поведение признается злоупотреблением правом на прекращение переговоров, а соответствие обстоятельств прекращения переговоров недобросовестной стороной разумным ожиданиям потерпевшего устанавливает суд на основании иска потерпевшего о признании права (ст. 12 ГК РФ)⁹⁵.

Так, Арбитражный суд Уральского округа посчитал акты судов первой и второй инстанций законными и обоснованными, которые оценив действия истца по одностороннему отказу от исполнения инвестиционного договора в условиях нахождения сторон в режиме деловых переговоров по вопросу выбора подрядной организации в целях последующего определения объема превышения стоимости работ по строительству объекта с позиции их добросовестности, признали, что поведение инвестора, знавшего о нарушении застройщиком согласованных в графике реализации инвестиционного проекта сроков выполнения отдельных этапов работ, но тем не менее продолжившего переговоры с застройщиком по вышеуказанным вопросам, сформировав тем самым у последнего разумные правовые ожидания относительно дальнейшего продолжения исполнения инвестиционного договора по результатам разрешения и согласования указанных спорных вопросов, а впоследствии заявившего односторонний отказ от исполнения инвестиционного договора, не отвечает критериям добросовестности, на основании чего не усмотрели оснований полагать инвестиционный контракт расторгнутым в связи с односторонним отказом инвестора от его исполнения⁹⁶.

---

⁹⁵ Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.05.2018 № Ф09-1344/18 по делу № А60-37542/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

При установлении любого из вышеперечисленных видов недобросовестного поведения виновная сторона возмещает другой стороне причиненные таким поведением убытки, которые включают в себя не только расходы, понесенные потерпевшей стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, но и расходы, вызванные утратой возможности заключить договор с третьим лицом (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ), то есть возмещению подлежит реальный ущерб и упущенная выгода.

Нарушение условий соглашения о порядке ведения переговоров как основание преддоговорной ответственности.

В соответствии с пунктом 5 статьи 434.1 ГК РФ сторонам предоставлена возможность заключения соглашения о порядке ведения переговоров. Заключение такого соглашения порождает организационные правоотношения между сторонами.

В ситуации, когда переговорный процесс подчиняется не только положениям Гражданского кодекса РФ, но и соглашению о порядке ведения переговоров, в случае ненадлежащего исполнения обязанностей стороны понесут договорную ответственность, то есть убытки возмещаются в полном размере, также как и при недобросовестном поведении⁹⁷.

Соглашение о порядке проведения переговоров обладает несколькими характерными особенностями.

Во-первых, оно является одним из видов сделки, чему можно найти косвенное подтверждение в норме абз. 2, п. 5 ст. 434.1 ГК РФ, который устанавливает правила о ничтожности соглашений, ограничивающих ответственность за недобросовестные действия участников переговоров. Из этого следует, что правила гл. 9 ГК РФ применяются и к настоящему соглашению по аналогии со сделкой. Эта сделка носит безвозмездный и консенсуальный характер.

---

⁹⁷ Малеина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

Во-вторых, целью такого соглашения является установление прав сторон относительно условий переговоров, что свидетельствует о его полном соответствии признакам договора, предусмотренным ст. 420 ГК РФ. В законе можно найти четкое определение предмета такого соглашения: «порядок ведения переговоров». С практической точки зрения это означает, что предмет данного соглашения представляет собой условия организационного содержания, направленные на заключение основного договора.

При заключении соглашения о порядке ведения переговоров на стороны возлагаются только обязанности по соблюдению их ведения. Стороны не обязаны в дальнейшем заключать основной договор, в этом основная разница соглашения о порядке ведения переговоров от предварительного договора (п. 1 ст. 429 ГК РФ). Такое соглашение отличается от предварительного еще и тем, что форма заключения соглашения о порядке ведения переговоров не имеет отношения к форме заключения основного договора. Следовательно, в случае несоответствия формы соглашения о порядке ведения переговоров форме основного договора такое соглашение нельзя признать ничтожным.

Довольно неоднозначная позиция сложилась относительно продолжительности действия соглашения о порядке ведения переговоров. С одной стороны, любые переговоры должны приводить к определенному результату, который может быть выражен либо в форме заключения основного соглашения, либо в форме прекращения переговоров. Такое суждение наводит на мысль о необходимости исходить из принципов разумности и экономичности и предусматривать срок действия соглашения. Вместе с тем, условие о сроке действия такого соглашения законом не предусмотрено в качестве обязательного. Стороны имеют возможность предусмотреть и бессрочный характер соглашения, что является еще одним отличием соглашения о порядке ведения переговоров от предварительного договора, для которого существенным условием является его срочность (п. 4 ст. 429 ГК РФ).

Соглашение о порядке ведения переговоров также сильно отличается от рамочного договора, которым предусматриваются общие условия

обязательственных взаимоотношений сторон, а конкретизированы и уточнены они могут быть путем заключения сторонами отдельных договоров.

В качестве существенных условий соглашения о ведении переговоров законодатель указывает лишь одно – условие о его предмете.

В-третьих, соглашение о порядке ведения переговоров представляет собой основание возникновения организационного обязательства, на которые распространяются общие положения об обязательствах. Отсюда следует, что такое обязательство должно исполняться надлежащим образом, не допускается односторонний отказ от его исполнения. По общему правилу расходы на исполнение такого обязательства несет должник (ст. 309.2 ГК РФ). Стороны могут самостоятельно предусмотреть способы обеспечения его исполнения в тексте соглашения. При этом в связи с направленностью применения способов обеспечения в таком обязательстве на восстановление имущественной сферы потерпевшей стороны, представляется, что и сами способы обеспечения должны иметь исключительно имущественный характер⁹⁸.

В целом соглашение о порядке ведения переговоров имеет весомое юридическое значение в качестве доказательной базы в судебных процессах, поскольку в совокупности с иными доказательствами могут служить подтверждением ведения переговоров сторон и даже согласования сторонами существенных условий будущего договора⁹⁹.

Причинение вреда как основание преддоговорной ответственности.

Причинение вреда может служить еще одним основанием преддоговорной ответственности. Пункт 8 статьи 434.1 ГК РФ устанавливает возможность применения правил главы 59 ГК РФ к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств.

---

⁹⁸ Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

⁹⁹ Трубникова И. Преддоговорные обязательства: судебная практика и новый взгляд на юридическую силу соглашения о намерениях и гарантийного письма [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

Привлекая к ответственности за нарушение порядка ведения переговоров, основываясь на положениях о деликтной ответственности, необходимо иметь в виду, что ее основания могут варьироваться в зависимости от того, какие субъекты выступают в качестве сторон переговоров.

Когда стороной переговоров выступает гражданин, то деликтная ответственность наступает в случаях причинения вреда имуществу гражданина, его жизни и здоровью, а также в случаях причинения морального вреда. При этом компенсация морального вреда осуществляется независимо от имущественного ущерба, подлежащего возмещению (п. 3 ст. 1099 ГК РФ).

Юридическое лицо, пострадавшее от недобросовестных действий контрагента в переговорах, как правило, вправе рассчитывать на привлечение виновного лица к деликтной ответственности только в том случае, если был причинен вред его имуществу (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Тем не менее у юридических лиц существует возможность подать иск о возмещении репутационного вреда, поскольку правила о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, распространяются также на защиту деловой репутации юридического лица (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

Однако нельзя не отметить, что в настоящее время еще не сложилась устойчивая практика применения ответственности за причинение вреда в преддоговорных отношениях.

Основной проблемой рассматриваемого вопроса является правильное определение момента, с которого на стороны распространяются правила ст. 434.1. ГК РФ, а также правильная квалификация основания, в связи с наступлением которого становится возможным применение преддоговорной ответственности. Очевидно, что данная проблема будет решена лишь с течением времени посредством появления большего количества судебной практики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертационной работе были рассмотрены теоретические вопросы, связанные с преддоговорной ответственностью в гражданском праве России. В результате проделанной работы были сделаны следующие выводы.

1. Впервые идея преддоговорной ответственности возникла у представителей немецкой школы пандектного права, таких как Р. фон Иеринг, Г. Дернбург, Б. Виндштейн и др. Родоначальником этой концепции принято считать Рудольфа фон Иеринга, который в одноименной статье 1861 г. предложил использовать термин «*culpa in contrahendo*», что в дословном переводе означает «вина при ведении переговоров или ответственность в виде возмещения убытков при недействительности или незаключенности договоров». Согласно доктрине Р. Иеринга основанием преддоговорной ответственности выступает причинение вреда, ее условием – «виновность» ответчика.

Разработанная Иерингом доктрина *culpa in contrahendo* широко распространена в иностранных правовых системах. В одних странах данный институт признан на законодательном уровне, в других – активно используется судебной практикой.

2. Отечественному дореволюционному гражданскому законодательству не была известна концепция преддоговорной ответственности. Однако в дореволюционной доктрине существовали идеи о соответствии преддоговорной ответственности общим принципам гражданского права и необходимости ее введения.

Помимо этого, отголоски ответственности за *culpa in contrahendo* встречались в ГК РСФСР 1922 и 1964 гг.

Со времен конца 1980-х – начала 1990-х гг. актуализировалась потребность в практическом решении вопросов преддоговорной ответственности.

Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. содержала в себе предложение о включении в ГК РФ нормы о преддоговорной

ответственности с применением опыта других государств в данной сфере. Результатом этой инициативы стало принятие ФЗ от 08.03.2015 № 42-ФЗ, который ввел в ГК РФ ст. 434.1, закрепляющую институт преддоговорной ответственности.

3. В законодательстве отсутствует легальное определение преддоговорной ответственности, а в литературе существуют различные подходы к определению преддоговорной ответственности, каждый из которых имеет право на существование.

Одни авторы считают, что преддоговорную ответственность следует относить к договорной, поскольку правила о ней содержатся в общих положениях о договоре. Другие заявляют о недопустимости восприятия преддоговорной ответственности ни как договорной, ни как деликтной, мотивируя это невозможностью наступления договорной ответственности ввиду того, что между сторонами не был заключен действительный договор, и невозможностью применения деликтного права для формирования правил о преддоговорной ответственности, поскольку для привлечения к деликтной ответственности необходимо наличие противоправного деяния, то есть вреда охраняемым законом интересам, подлежащего возмещению. Существует также суждение о деликтном характере такой ответственности. Однако то, что нормы о преддоговорной ответственности входят в состав договорного права, а потерпевшая от недобросовестного поведения сторона несет убытки в связи с подготовкой к заключению договора, дает основание считать, что такая ответственность по своим свойствам относится больше к договорной, то есть является квазидоговорной. При этом, если стороны заключают соглашение о порядке ведения переговоров, то ответственность приобретет договорный характер. А если сторона сознательно вступает в переговоры недобросовестно, что может проявляться во вступлении в переговоры с заведомым намерением получить конфиденциальную информацию, воспрепятствовать заключению договора с конкурентом или с заведомым намерением не продолжать переговоры, то такие действия следует признать злоупотреблением правом, к

которому применяются нормы о деликтной ответственности.

С учетом изложенных позиций, природа преддоговорной ответственности не может быть однозначно определена исходя из положений действующего законодательства; фактически она неоднородна. Это можно объяснить особыми свойствами организационных отношений, в которых она возникает: если организационные отношения впоследствии привели к заключению договора, то ответственность становится договорной, поскольку она возникает в рамках возникших договорных отношений. Если преддоговорные контакты не приводят к заключению договора, то в случаях, предусмотренных законом, может возникнуть внедоговорная ответственность. Отсюда следует, что преддоговорная ответственность содержит признаки как договорной, так и внедоговорной ответственности, поэтому в широком смысле ее трудно признать полностью самостоятельным видом ответственности, она может быть как договорной, так и внедоговорной (деликтной или квазидоговорной).

Можно дать следующее определение преддоговорной ответственности: преддоговорная ответственность – это меры принуждения имущественного характера, возникающие в связи с недобросовестными действиями контрагента на стадии ведения переговоров.

4. Существует три основания возникновения преддоговорной ответственности:

1) недобросовестные действия (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), которые должны квалифицироваться как недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ;

2) неисполнение или ненадлежащее исполнение условий соглашения о порядке ведения переговоров (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ), устанавливающего меры ответственности;

3) факт причинения вреда, являющийся основанием для деликтной ответственности в соответствии с правилами гл. 59 ГК РФ (п. 8 ст. 434.1 ГК РФ).

Сторона, поведение которой при ведении переговоров признано

недобросовестным или которая нарушила условия соглашения о порядке ведения переговоров, обязана возместить потерпевшей стороне убытки, причиненные таким поведением, в полном объеме. В результате возмещения таких убытков, потерпевшая сторона должна быть поставлена в положение, в котором она находилась бы, если бы не вступала в переговоры с недобросовестным контрагентом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : (в ред. от 16 дек. 2019 г.) // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.
5. Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2014 № 25-КГ14-3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.
6. Определение Верховного Суда РФ от 01.09.2015 по делу № 5-КГ15-92 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

10. Обзор: «Судебная практика об ответственности за недобросовестное ведение переговоров» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 июня 2017 г. № Ф08-2428/2017 по делу № А53-22858/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.08.2017 № Ф04-2947/2017 по делу № А46-14889/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2017 № Ф05-16349/2017 по делу № А41-90214/2016 [Электронный ресурс] //

КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Судебная практика. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.01.2018 № Ф08-10035/2017 по делу № А32-41814/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.правовая система. – Версия Проф. – Электрон.дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.05.2018 № Ф09-1344/18 по делу № А60-37542/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

16. Решение от 24 июня 2016 г. по делу № А05-59/2016 Арбитражного суда Архангельской области [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

17. Behrends O. Die Fraus legis. Zum Gegensatz von Wortlaut- und Sinngeltung in der römischen Gesetzesinterpretation. Göttingen: Schwartz, 1982. – VIII, 118 P.

18. Giliker P. Pre-contractual Liability in English and French law. Kluwer Law international., 2002. – XXVII, 193 P.

19. Gogos D. Das Zivilgesetzbuch von Griechenland (1940) mit dem Einführungsgesetz. Berlin und Tübingen: De Gruyter, Mohr, 1951. P. 107.

20. Esser J. Grundsatz und Norm in der richterlichen Fortbildung des Privatrechts. 2., unveränd. Aufl. Tübingen: Mohr, 1964.– VIII, 308 p.

21. Kottenhagen. R.J.P. Kottenhagen R.J.P. Freedom of Contract to Forcing Parties into Agreement: The Consequences of Breaking Negotiations in Different Legal Systems. P. 72.

22. Leonhard F. Verschulden beim Vertragsschluß. Berlin: Vahlen, 1910. 69 p.

23. Saleilles R. Étude sur la théorie générale de l'obligation d'après le premier projet de Code civil pour l'Empire allemand. 3 éd, nouv. tir. Paris: Libr. générale de droit et de jurisprudence, 1925. P. 161-168, 176-178.

24. Snyder D.V. Comparative law in action: promissory estoppel, the civil law, and the mixed jurisdiction // Ariz. J. Int'l & Comp. L. 1998. P. 709.

25. Zimmermann R., Whittaker S. (Eds.), Good Faith in European Contract Law / Cambridge university press. 2000. P 24.

26. Jhering, R. Culpa in contrahendo oder Schadensersatz bei nichtigen zur Perfektion gelangten Verträgen, In: Jherings Jahrbuch, Bd. 4. 1861. P. 1 – 112.

27. Wellspacher M. Das Naturrecht und das allgemeine bürgerliche Gesetzbuch // Festschrift zur Jahrhundertfeier des Allgemeinen Bürgerlichen Gesetzbuches: 1. Juni 1911. Bd. 1. Wien: Manz, 1911. S. 197.

28. Аюшеева И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lexrussica. – 2017. – № 5. – С. 136 - 147.

29. Ансон В. Договорное право / В. Ансон; под общ. ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая литература, 1984. – 464 с.

30. Богданов В.В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ...канд. юрид. наук / В.В. Богданов. Москва, 2011. – 155 с.

31. Будылин С.Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 96-133; – № 4. – С. 52-111.

32. Вашкевич А., Вдовин В. Заверения и гарантии в России // Корпоративный юрист. – 2013. – № 9. – С 6-10.

33. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Часть первая. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. 339 с.

34. Витрянский В.В. Общие положения о договоре в условиях реформирования российского гражданского законодательства // Кодификация российского частного права 2015 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М.

Гонгало [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

35. Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. – 26 с.

36. Гницевич К. В. Доктрина culpa in contrahendo в гражданском праве России // Ленинградский юридический журнал. – 2008. - № 4. – С. 123-135.

37. Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность: дис. ...канд. юрид. наук / К.В. Гницевич. Санкт Петербург, 2009. – 209 с.

38. Гонгало Б.М. Гражданское право: в 2 т. / Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2017. – Т. 1. – 528 с.

39. Данилова Е.С. Новеллы ГК РФ в сфере преддоговорной ответственности (Culpa in contrahendo) // Юридический вестник молодых ученых. – 2016. – №2. – С.43-50.

40. Демкина А.В. Основания возникновения преддоговорного обязательства // Журнал российского права. – 2017. – №1. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

41. Демкина А.В. Теория преддоговорного обязательства // Юрист. –2017. – № 11. – С. 11 - 15.

42. Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

43. Иеринг Р. Culpa in contrahendo, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 190-266.

44. Казаченок С.Ю. Процедура преддоговорных взаимоотношений между сторонами предпринимательского договора как стадия заключения договора [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

45. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 6. – С. 82-93.

46. Малеина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

47. Мазур О.В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения // Закон. – 2012. - № 5. – С. 197-205.

48. Митюков К.А. Курс римского права. 2-е изд., с добавлениями А.К. Митюкова. Киев СПб.: Н.Я. Оглоблин, 1902. – 6., XVI, 501 с.

49. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Госюриздат. – 1950. – 416 с.

50. Овчинникова К.Д. Преддоговорная ответственность // Законодательство. – 2004. – № 3. – С. 8-15.

51. Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 85-94.

52. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. – С. 118.

53. Подузова Е.Б. Организационные договоры в гражданском праве: Монография. М.: Проспект, 2015. – 179 с.

54. Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Думаю – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 127 с.

55. Преддоговорные правоотношения: новое в Гражданском кодексе Российской Федерации / [авт.-сост. А.В. Дёмкина]; Фед. Собрание Рос. Фед., Гос. Дума – М.: Издание Государственной Думы, 2016. – 96 с.

56. Садилов О.Н. Недействительные и несостоявшиеся сделки // Юридический мир. – 2000. – № 6. – С. 10-13.

57. Саркисян В.В. Преддоговорная ответственность в романо-германской правовой системе // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. – 2016. – №1. – С. 121-125.

58. Севрюгин К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве РФ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – №21. – С. 59-61.

59. Синайский В.А. Русское гражданское право (по изд. 1915 г.). М.: Статут, 2002. – 636 [1] с.

60. Трубникова И. Преддоговорные обязательства: судебная практика и новый взгляд на юридическую силу соглашения о намерениях и гарантийного письма [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. Правовая система. – Версия Проф. – Электрон. Дан. – М., 2020. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том.гос. ун-та.

61. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. Т. 2. М.: бр. Башмаковы, 1915. VI, 544 с.

62. Якубчик М.М. Culpa in contrahendo и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права. М., 2012. – № 14. – С. 199-226.